

— Этот никчемный уничтожил всех, кого любил, и самого себя. Он не был достоин всех благ, которые ему уготовила судьба: родиться наследником северных земель, стать предзнаменованием и надеждой для своего народа, быть обладателем завидного здоровья и духовной мощи для свершения благих дел... Все воспевали его славу, не зная, в какого эгоистичного и неблагодарного пса в итоге он вырастет. Серебряные волосы стали излюбленным объектом художников, а спина тигра и поясница медведя [1] — скульпторов. Глаза цвета черного озера многократно описывались в поэтичных письменах. А имя Чан, дарованное родителями, среди гордого народа Севера обрело куда большее значение: его принялись писать на амулетах и вешать детям на шею как оберег от злых духов.

[1] Метафора, описывающая сильного, крупного и здорового мужчину.

И зря — этот пес не заслуживал таких почестей. Судьба даровала ему еще кое-что, самое важное, из-за чего люди с особой верой уповали на него. Появление наследника Севера на свет выпало в самый протяженный год Собаки, в холодную ночь, когда созвездие — хранитель благосостояния, именуемое Гоу [2] — было ярчайшим на небе. Ученые мужи, изучающие небосвод, едва не сошли с ума от открытия. Желая разделить эмоции, они хватили друг друга за плечи и восклицали: «Ах-ах! Это же счастливое предвестие для нас, друг мой». Так, с благой вестью они всей гурьбой поднялись к поместью правящего на Севере дома, где только что родился сын. И там увидели четырех стариков-летописцев, подтвердивших их радости: пожилые люди также пришли сообщить всем, что наследника в будущем ждет вознесение. «Этот У Чан станет небесным покровителем своего народа!» — произнесли они. Все знаки сходились, поскольку мальчик появился на свет в клане, где волк — преданный пес горной местности — являлся фамильным символом. И все же младенца уже с первых минут что-то не устраивало в своей участи. Он так громко плакал, что женщины в столице Тяньцзинь [3] заливались слезами вместе с ним, никто и ничто не могло его успокоить, даже тепло родной матери. Удалось это лишь вожаку волчьей стаи, который однажды, не выдержав плача ребенка, пришел к нему в спальню и улегся рядом, — молодой рассказчик прервался и уточнил: — Извините меня, что-то я много говорю. Уважаемый действительно хочет знать эту историю, к тому же в таких подробностях?

[2] Созвездие, состоящее из семи звезд, которое в Древнем Китае называлось «Собака».

[3] Тяньцзинь [天津] — «небесная переправа».

Говорящий молодой человек в самом расцвете сил сидел за маленьким столиком в разваливающейся лачуге на окраине мира демонов. Его крепкое от природы тело было облачено в одеяния черного цвета. На вороте и рукавах красовались вышитые золотые узоры извивающегося чешуйчатого зверя. Наручи блестели новизной, а широкий пояс изящно подчеркивал его стройную талию. Волосы, как лунный свет в ночи, колыхнулись, когда он опустил голову в ожидании ответа. По другую сторону стола раздался бархатный голос:

— Молодому господину нужна помощь, иначе зачем еще приходить в этот нечестивый мир? Но все же я должен знать причины вашей печали, потому что не смыслю, чего вы хотите от меня — демона.

Напротив сидел мужчина, облаченный в лохмотья наподобие мантии, из-под широких рукавов которой виднелись лишь тонкие кисти рук. Судя по мягкости его голоса, возрастом он был не сильно старше своего собеседника. Возможно, на семь-десять лет. Однако его лицо скрывала тень капюшона, который он набросил при госте, так что определить, сколько ему было, не представлялось возможным. Внимая рассказу, мужчина подшивал маленькую тряпичную куклу. И длинные пальцы, в которых нервно подрагивала игла, не были предназначены для

такого труда. В подобных изящных руках отлично смотрелось бы благородное оружие из ледяной стали или музыкальный инструмент с пятью-семью струнами.

Молодой господин продолжил:

— Кхм... Этого мальчика матушка-государыня не тешила своей любовью, и чуть погодя она нашла ему наставника из далеких мест, на которого взвалили воспитание сына. Никто не знал и не слышал об этом мужчине, но весь его вид говорил: этот мастер вырастит достойного наследника клана, который прославится среди бессмертных. Отец редко появлялся в родных краях. Он всю свою жизнь посвятил народу и правлению и интересовался достижениями сына, лишь когда тот совершал что-то невероятное для своего юного возраста. Именно поэтому наследник клана всегда в шутку обронял: «Мой отец — вожак стаи!» — подразумевая именно того волка, что стал для него настоящей семьей. Как я уже говорил, молодого господина с рождения готовили к вознесению, и этого он никак не мог принять. Он не стремился стать служителем Небес. Если бы не его наставник, под чьим крылом он вырос... Ох, ведь когда-то мальчик поистине души не чаял в своем учителе...

Тем временем демон напротив бережно продолжал наносить стежки. Все его движения были неумелыми и опасными — игла так и норовила уколоть палец. Поймав себя на том, что более он не может совладать с руками, демон поднял куклу к свету и посмотрел на нее: старая ткань, оставшаяся от мешка из-под рисовой муки, две черные пуговицы вместо глаз и красные нити, прошитые по всему тряпичному тельцу. Он поинтересовался:

— Учитель был столь несправедлив к наследнику, из-за чего тот разочаровался в нем?

— Нет же!—взволнованно ответил рассказчик, и его пальцы вцепились в черный покров одежд на груди. — Учитель любил мальчика, но по-своему. Что бы этот маленький господин по своей глупости ни выкинул, наставник приходил к нему на выручку, учил его правильно держать меч, обучал письму и грамоте — всему, что знал сам. Внимание уделял и манерам, однако господин У все равно вырос упертым и непочтительным. Проблемой был именно ученик. Учитель, несомненно, жалеет, что когда-то взялся за его воспитание. Он готов был отдать жизнь, понести наказание за каждую оплошность наследника, стерпеть бесчисленное количество плетей — все, чтобы тот не сошел с правильного пути. А этот никчемный пес перечеркнул и его труды, и репутацию. Такой ученик не заслуживает прощения и уж тем более помощи. Но он раскаивается за то, какую цену учитель заплатил, и хочет помочь ему... — сребровласый господин облокотился на старенький столик и прикрыл лицо ладонями. — Он хочет все исправить и вернуть его...

У живущего на окраине мира демонов в ветхой постройке, слабо напоминающей домик, и сомнений не появилось, что объявившийся на пороге и есть тот самый ученик, о котором ведется рассказ. Вот только зачем он явился, к тому же в божественном облике? Холодная аура этого бессмертного неистово давила на собеседника всей своей мощью. По пустующему, заросшему паутиной помещению в одну комнату, что служила хозяину и спальней, и кухней, было видно, что этот демон беден. И раз у него нет средств для поддержания собственного жилища, то он явно не оказывает никаких услуг внезапно объявившимся гостям, если только милость бескорыстного слушателя. Небожитель так резко заявился к нему, что он даже не успел поинтересоваться зачем. К счастью гостя, скрывающий свой лик под капюшоном оказался вполне добродушным и гостеприимным хозяином: он впустил опечаленного господина внутрь и даже предложил ему воды, вот только тот не нуждался ни в каких почестях.

Демон отложил толстую иголку, которой сшивал тканевое тельце, и, не поднимая взора,

направился к деревянной полке, украшенной маленькими куколками одна страшнее другой. Его тонкий силуэт замер спиной к собеседнику. Демону явно не доставало швейного мастерства, ведь каждая игрушка была олицетворением страданий. У одной глазки смотрели в разные стороны, а два стежка над ними, напоминающие брови, были приподняты, отчего казалось, что куклолка вот-вот заплачет. У второй тряпичная ручка была сделана из красной ткани и выглядела из-за этого как освеженная. Третья и последующие вместе с той, что демон поместил на полку, были вовсе недоделанные, словно мастер, пытаясь скорее завершить работу, каждый раз сдавался и возвращал куклы обратно.

Посмотрев на своих грустных и страшных кукол, мужчина постоял несколько секунд в молчании, а затем не оборачиваясь произнес:

— Я ничем не могу помочь. Вам следует вернуться, пока небесные чиновники не прознали, где именно вы находитесь. По помещению тут же пронесся грохот: небожитель вскочил на ноги, и стул под ним рухнул на пол. Глотая слова от волнения, он разразился:

— Этот достопочтенный так долго искал вас! А вы так просто просите его уйти? — среброволосый небожитель вдруг ни с того ни с сего ударил ладонями по столу, из-за чего спина демона дрогнула.

— Мне жаль, — тихо прозвучал его голос.

— Вы... — небожитель обошел стол стороной, и его тень нависла над демоном. — В детстве учитель поведал мне историю, как две непохожие друг на друга души встретились у большого персикового дерева. Один служил Небесам, второй миру демонов. Грядущее было предопределено, и никто не имел права вмешиваться в планы судьбы, даже время. Но живущие наверху были ослеплены верой в свое могущество. Глупо полагать, что, прознав о встрече, они бы не разгневались. Судьбы этих двоих стали примером: не каждый, покоривший энергию инь, — тигр, а восседающий под солнцем и его энергией ян — дракон [4]. Из-за вмешательства старых богов пострадали невинные. Первый день окончания зимы, обожаемый смертными праздник, превратился в бедствие. На головы людей обрушилась кара: небесные светила отгородили богов от смертных, затопили Поднебесную водами от проливных весенних дождей, и белые тучи надолго лишили землю солнца. Границы городов, многочисленные храмы, дороги — почти все, что с огромным трудом было создано людьми, — смыло. Небесных чиновников охватила паника, все они старались хоть что-то предпринять, явиться к страдающим на помощь. Но стало поздно, и люди узнали правду: они понесли наказание за ошибку богов, которые обманули и убили того демона, вонзив стрелу Света в его сердце. Бессмертные, у которых просят защиту, сотворили самое ужасное — разрушили душу, открыто бросив вызов судьбе...

[4] В древние времена инь и ян порой изображались в виде сражающихся тигра, символизирующего темные силы, и дракона — символа светлых. Концепция противоборства сторон является фундаментальной моделью всего сущего и раскрывает два положения, объясняющих природу Дао (Путь): «Всё постоянно меняется», «Одна противоположность не может существовать без второй».

— Зачем мне эта история?—пробормотал демон, сильнее натягивая на лицо капюшон.

— До этого я рассказывал историю о судьбе неблагодарного пса. Ему было суждено вознестись, но он всячески сопротивлялся. Он был ослеплен и не видел, какую боль этим приносит окружающим. Был охвачен страхом потерять то земное, чем дорожил сильнее всего. Совершал ужасные и непоправимые поступки, стараясь удерживать и контролировать чужие жизни. И

если бы не его учитель, он бы так и остался брошенной у дороги собакой, которую все боятся подпустить к себе. Только предначертанный судьбой путь оказался верным. Перестав противиться, он наконец открыл глаза на истину — его страх оказался самым большим обманом в жизни, — рука небожителя коснулась плеча демона, но тот отшатнулся.

— Вы же понимаете, что эти две истории похожи? — мягко продолжил небожитель, спрятав ладонь. — Тогда боги ошиблись, нет ничего сильнее судьбы. Из-за их поступка пострадали не только смертные, тот бог также! Он взывал ко всеобщему пониманию, но верхний мир уже был против него. Он разочаровался их поступком, из-за чего чуть не потопил людей из-за горя от утраты.

Выражение лица, которое все время скрывала тень капюшона, резко переменилось. Демон до этого безучастно слушал молодого господина, но сейчас в разговоре что-то задело его. Он с раздражением заметил, возвратившись к столу:

— Простая выдумка, которой взрослые пугают непослушных детей. Вы и сами должны осознавать, что история о первых весенних ливнях никак не связана с вами. А ваш учитель поистине безрассудный человек, что поведал вам ее.

Демон потянулся за иглой, но ему преградили путь, накрыв острый инструмент ладонью. Небожитель дернул демона за запястье на себя и устремил на него налитые кровью глаза цвета безлунной ночи.

— Я не такой, как тот бог из народной выдумки,—прохрипел его низкий голос. — Стать снова никчемным, неблагодарным псом, чтобы свергнуть Небеса, для меня не составит большого труда! — Его рука с силой сжала иглу на столе. — Кровь за кровь — так говорят в моих краях. Я бы забрал с собой каждого и утащил на самое дно бездны, чтобы придать их восемнадцати кругам пыток [5]!

[5] Концепция восемнадцати уровней Диюя (царства мертвых), где грешные души чувствуют боль и муки, но «умереть» от мучений, наказаний и пыток не могут.

Молодой господин вдруг расвирипел, как зверь. Его глаза блестели неутолимой жаждой крови. Игла под давлением прогнулась и, словно крича от боли, заскрипела. Демон, не совершая попытки вырвать свою руку из плена, хладнокровно изрек:

— Каждый совершает ошибки. Верно, они не вправе были вершить суд над тем демоном, но, как и мы с вами, уважаемый господин У Чан, тоже. Будучи небожителем, вы, как никто другой, должны уметь прощать и наставлять других на правильный путь, а не уподобляться скверным примерам.

Слова демона задело небожителя: кто он такой, этот демон, чтобы учить его? Молодой человек опустил голову, и волосы, собранные в высокий хвост, скатились по плечу, как вода. Его пальцы побледнели и задрожали от напряжения. Словно желая убить, уничтожить металлический инструмент, дабы от него ничего не осталось, как и от переполняющего душу гнева, он посильнее сжал руку.

— Став...—запнувшись и немного помолчав, заговорил он вновь, — небожителем, я хотел бы делать так, как мне твердил учитель: поступать по чести, прощать и не держать обид... Но только если это касается меня. Учитель все время нес тяжелую ношу, а я со своим дурным характером лишь добавлял ему проблем. Я был так слеп, что теперь меня тошнит от самого себя!

Он поднял голову, чтобы увидеть в лице стоявшего перед ним плененного демона хотя бы каплю сострадания к себе. Отчаявшись, он искал помощи на самом дне этого мира. И хотя лицо демона все еще было скрыто под тенью капюшона, небожитель ощущал, как пристальный взгляд нервно блуждал по его лицу. Не отводя влажных и наполненных злобой глаз, походящей на огонь, что бушевал под водой и не хотел угасать, У Чан ровным голосом произнес:

— Неужели вы еще не поняли? — уголки его губ устрашающе дернулись. — Этот низменный пес все вспомнил. Го Бай, все!

Услышав это, демон тихо произнес: «Что?» — и сразу же пал перед столиком.

Они смотрели друг на друга в мертвой тишине, пока молодой господин, питавший надежду, что не ошибся, не придвинулся и не раздался металлический щелчок. Его рука, что мучила все это время иглу, покрылась кровью, но повергла соперницу. Кусочек металла вонзился в кожу и пустил своему мучителю кровь. Го Бай схватился за раненую руку небожителя и дрожащими пальцами принялся вытаскивать из нее обломки.

— Не переживайте, этому господину совсем не больно, — произнес У Чан, перехватив ладонь, что его касалась.

Он снова изменился в лице: теперь перед демоном сидел молодой господин, неуверенный в себе и своих действиях, что дрожал от прикосновений, как лист на ветру. Его большие холодные руки прикоснулись к скрывающемуся за тенью капюшона лицу и аккуратно стянули ткань с головы, освободив от мрака светло-каштановые волосы и серые глаза. Демон тотчас почувствовал неприятный металлический запах свежей крови.

— Этот глупый больше никогда не упустит Го Бая!

Слова бога испугали мужчину. Он легким движением оттолкнул от себя небожителя, продолжая наблюдать за ним. Тот явно был не в себе, его переполняли противоречивые эмоции: минуту назад он гневно стучал по столу, требуя его выслушать, а теперь весь его вид говорил о том, что он вот-вот впадет в отчаяние.

— Почему же вы сбежали?! — гнев вновь охватил небожителя, но его темные глаза уже наполнила влага.

Го Бай промолчал. Стараясь всеми силами сохранить хладнокровие и ясность рассудка, он на одном дыхании поинтересовался:

— Что ты сделал?

Неизвестность повисла в воздухе. Судьба Небес действительно зависела от этого неблагодарного пса и его умений проглатывать обиды. Палящая злоба и силуэт мужчины напротив отразились в глазах небожителя, когда тот поднял взор.

— Вы не ответили... — Он приложил большие усилия, чтобы сказать это. Та печаль, что мимолетно врвалась в диалоги, взяла свое, и он, поджав губы, молча принял свою участь.

Не скрывая скорби, У Чан потянул было ладонь к Го Баю, но вдруг отступил. Слезы, как большие жемчужины, покатались по его щекам и со стуком ударились о стол. Изящные, приятные глазу черты лица обрели большую невинную красоту: подрагивающие и длинные, как перья, ресницы смахивали капли, прямые брови сомкнулись на лбу, кожа цвета белого нефрита позорно загорелась, а кадык в попытке сдержать всхлип заходил ходуном. Даже

вылитая из бронзы фигура не смогла бы удержаться и разрыдалась бы при виде этой картины.

Печаль бога полоснула демона ножом по сердцу. Обойдя столик, он встал рядом с небожителем и аккуратно смахнул каждую каплю влаги своими тонкими пальцами.

— Учитель правда больше не любит этого негодного? — хрипло спросил небожитель сквозь дрожащие губы.

Рука демона замерла, а после уверенно прикоснулась к волосам.

— Бедный, несчастный У Чан, не стоит идти по наитию своих мыслей. С юных лет твоим пороком было выдумывать лишнее и верить в это всем сердцем.

Испуганный собственными мыслями У Чан вцепился в края одежды на груди демона и молча положил голову ему на грудь. Его обняли теплые руки, прижали поближе, и дыхание Го Бая начало медленно проникать в серебряные волосы, а сам небожитель услышал знакомый аромат льна и свежесть после дождя, доносящийся от мантии. Над его ухом прозвучал мягкий голос:

— Учитель не сбегал... И точно не жалеет, что когда-то принял наследника в ученики.

— Но тогда почему, — раздался голос в груди демона, — почему оставили меня? Ко мне вернулись воспоминания прошлой жизни, я думал, что не вынесу всего этого... Известие о вашей гибели уничтожило меня. Из-за меня вы вновь пострадали, я это знаю. Но вы же могли оставить знак... Зачем вы так жестоко поступили со мной?

Го Бай крепко обвил руками спину бога, вложив в это объятие все силы и всю боль, что была на душе.

— Если ты все помнишь, почему ты спрашиваешь меня об этом? Зачем заставляешь меня вновь вспоминать те страшные моменты? Никому из старых богов нельзя знать, кем ты был в прошлой жизни. — Го Бай замаялся и резко сменил тему: — Поэтому тебе не стоило меня искать, ты не должен повторять мои ошибки.

Демон приподнял голову небожителя и коснулся губами его лба, прямо того места, где стояла печать бессмертных.

— Тебе нельзя раскрывать себя, для всех ты избранник Небес — У Тяньбао, наследник клана У, сын сильнейшего военкомандующего Севера. Если бессмертные чиновники узнают, что ты, демон Душ — Мокуан [6] — в прошлом, смог переродиться и вознестись, они и правда заберут тебя на дно бездны вместе с собой. Старые боги еще не готовы взглянуть правде в глаза.

[6] Прозвище Мокуан: мо [□] — «злой дух, демон»; куан [□] — «сумасшедший, помешанный».

— Го Бай, — названный столькими титулами вжался в грудь демона сильнее, — почему я раньше ничего не вспомнил? Вы были так близко, а я... В этой жизни я растерзал свою душу вопросами на множество осколков. Теперь же, когда все открылось, а мои догадки обрели глупый и жалкий вид, вы просите меня подождать? Быть вашим сторонним наблюдателем, учитель, неподъемная ноша. Признаю, я слаб перед вами. И лучше подставить спину под удар за вас, чем...

— У Чан! — осадил демон небожителя. — Это... мой выбор.

Небожитель резко замолчал. Руки демона вновь приподняли его голову, открыв мокрое от слез лицо, и плачущий бог узрел: мужчина, что нежно пытался его предостеречь, также был в сомнениях, его сжатые губы и трепещущие ресницы говорили лишь об одном: «Не делай этого!»

— Учитель...

<http://tl.rulate.ru/book/68131/1809317>